

Как и в предыдущие дни, едва забрезжил рассвет, Чжао Шуюй растолкал Чжао Шуяня, сделал с братом зарядку, напек лепешек на завтрак и, заодно, отложил две штуки ему на обед.

Наказав брату запереть ворота и сидеть дома, никуда не выходя, Чжао Шуюй взял хозяйственный топор, лук со стрелами и отправился в горы.

Этот лук прежний хозяин тела купил за огромные деньги. В академии был урок верховой езды и стрельбы, а тот был ужасно тщеславен: завел дружбу с богатыми однокашниками и всё пытался пускать пыль в глаза, постоянно вытягивая деньги из родителей.

Та древняя нефритовая подвеска словно испарилась. Чжао Шуюй пытался использовать «силу мысли», как в романах, сосредоточенно вспоминая то пространство, что видел в тот день, но ничего не вышло. Он даже начал подозревать, что тот нефрит был лишь галлюцинацией, возникшей из-за удара по голове.

По пути он встретил госпожу Ван Чжан. После недавних дождей она как раз собралась в горы за грибами, чтобы хоть немного пополнить домашние запасы.

— Шуюй, сегодня ты что-то рано в гору собрался? — увидев у него лук со стрелами, госпожа Ван Чжан удивленно округлила глаза. — Неужели на охоту надумал?

Надо сказать, что Чжао Шуюй всегда был хилым книжником, который дома даже грядки не вскапывал. Охота — дело опасное, случись что — как же тогда его младшему брату выживать?

— Доброе утро, тетушка Ван. Я последние дни хожу в горы, ловлю дичь, чтобы прокормиться.

Услышав, что парень действительно собрался охотиться, госпожа Ван Чжан поверила, что он взялся за ум, но тут же забеспокоилась.

— В глубине гор опасно. Недавно вон охотника Хуана из соседней деревни тигр задрал. Ты не заходи слишком далеко, поброди поблизости. Ничего не поймает — не беда, в другой раз повезет. Главное — береги себя. Если совсем пусто будет, приводи Сяо Шиту, покормлю вас у себя.

Понимая доброту женщины, Чжао Шуюй тепло улыбнулся:

— Спасибо, тетушка, я буду осторожен, не волнуйтесь.

У подножия гор они расстались. Чжао Шуюй попросил госпожу Ван Чжан приглядывать за Чжао Шуянем, когда будет время, и бодрым шагом направился вглубь леса.

Тело прежнего владельца было до крайности изможденным — ни тяжести поднять, ни ношу

нести, сплошная немощь. Чжао Шуюй уже несколько дней тренировался, пытаясь вернуть себе былую форму и навыки боевых искусств. К его радости, внешность осталась прежней, только он не просто переродился — он стал моложе лет на десять.

Вот только времени на тренировки было мало, а физическая форма оставляла желать лучшего. Уже через два часа подъема Чжао Шуюй начал тяжело дышать. Он прислонился к дереву, чтобы перевести дух, заодно сплел из лиан веревку на всякий случай и двинулся дальше.

Добравшись до нужного места, Чжао Шуюй вырыл несколько ловушек, нарезал топором колья из дерева и бамбука, воткнул их на дно и тщательно замаскировал.

В прошлой жизни семья Чжао была родом мастеров древних боевых искусств, детей воспитывали по строгим канонам. Его дядя был белой вороной — вместо воинских искусств он обожал медицину и стал прославленным врачом. Чжао Шуюй был с ним близок и поневоле нахватался знаний: сложные болезни лечить не брался, но с мелкими недугами справлялся легко и в травах разбирался неплохо.

Он нашел несколько целебных растений, растер их и посыпал ловушки, чтобы приманить зверя. После этого, с луком за спиной, он принялся бродить по лесу, выискивая добычу и полезные травы: что-то пойдет на обед, а что-то ценное можно будет продать в лавке лекаря.

В самую глубь он заходить не стал, поэтому женьшеня или линчжи не нашел, зато набрал немало канатника, травы для снятия отеков и малан. Канатник и средство от синяков хороши для снятия жара и токсинов, а малан отлично лечит простуду и кашель. Все это пригодится — здоровье у Чжао Шуяня было совсем никудышным, его нужно было укреплять.

Из-за слабого тела, которое не поспевало за его решимостью, Чжао Шуюй провозился в горах до самого заката и смог добыть лишь одного фазана. Впрочем, по сравнению с прошлыми попытками, это был прогресс — по крайней мере, он не вернулся с пустыми руками. Он также набрал грибов, решив сварить вечером суп, чтобы как следует накормить брата.

Вернувшись домой до наступления темноты, он постучал в ворота. Услышав шаги во дворе, он поспешил окликнуть:

— Сяо Янь, это я, открывай!

Ворота распахнулись, и Чжао Шуянь с широкой улыбкой бросился навстречу брату. Мальчик послушно сидел дома и даже проявил самостоятельность, вскипятив котел воды. Глядя на пятилетнего ребенка, ловко управляющегося с очагом, Чжао Шуюй в душе выругал прежнего хозяина за то, что тот заставлял такого кроху заниматься хозяйством.

Чжао Шуюй опустил корзину, потрепал брата по голове, показал добычу и сказал:

— Сяо Янь такой молодец, даже воду вскипятил. Но я же говорил: это дело брата. Ты еще маленький, обожжешься. Сегодня я поймал фазана, сварим суп, рад?

За последние дни брат стал к нему добрее: купал, готовил еду, хвалил. Чжао Шуянь уже не боялся его, как в первый день, и, смущенно опустив глаза, тихо ответил:

— Рад. Спасибо, брат.

Набрав воды, Чжао Шуюй ловко разделал птицу, добавил грибов и поставил вариться. Пока он сидел у очага, следя за огнем, он заметил, что Чжао Шуянь стоит у порога и с надеждой смотрит на него. Чжао Шуюй поманил его рукой, и мальчик, просияв, подбежал к нему. Чжао Шуюй усадил «малыша» к себе на колени, и они вместе стали греться у огня.

Вскоре по дому разнесся аромат куриного мяса, от которого у обоих заурчало в животах. Чжао Шуюй за день в горах проголодался до смерти — утром он отдал все лепешки брату, а сам перебивался лесными ягодами. Чжао Шуянь, который давно не видел мясного, сглатывал слюну.

Чжао Шуюй погладил его по животику и усмехнулся:

— Проголодался, бедолага? Скоро будем ужинать.

Малыш смущенно прикрыл живот рукой и закивал, не сводя глаз с котла. Только они собрались приступить к трапезе, как снаружи послышался голос:

— Сяо Шиту, ты дома?

Чжао Шуюй повел брата открывать ворота и увидел госпожу Ван Чжан. Она видела, что он ушел в горы, и, когда стемнело, заволновалась, не остался ли мальчик без обеда.

— Шуюй, вернулся! Я переживала, что ты задержишься, а Сяо Шиту голодный. Вот, возьми, у нас ужин лишний остался, ешьте скорее.

Она протянула ему большую миску и стала подгонять братьев. Чжао Шуюй не стал отказываться, попросил её подождать, зашел на кухню, переложил угощение, а вместо этого наполнил полную миску супа с фазаном и грибами и вынес тетушке.

Учуяв аромат мяса и увидев полную миску, госпожа Ван Чжан замахала руками:

— Ой, да это же курица! Оставь Сяо Шиту, пусть сил набирается. Я просто зашла проверить, поел ли он, мы-то дома уже поужинали. Не надо, не надо, забирай обратно!

Она ни в какую не хотела брать. В деревне времена тяжелые, мясо — роскошь, доступная лишь по праздникам, дети все как один худосочные. Как она могла взять такую порцию? То, что принесла она, были лишь грубые лепешки да овощи.

Чжао Шуюй настоял:

— Тетушка, эти два года вы постоянно нам помогали, еду носили. Если бы не вы, не знаю, выжил бы Сяо Янь или нет. Я очень вам благодарен. Это моя первая добыча, пожалуйста, примите это как знак моей признательности.

— Но это же слишком дорогой подарок... Я-то вам только овощей да крупы приносила, это пустяки, — продолжала упираться женщина.

Чжао Шуюй сунул ей миску в руки:

— Я завтра снова пойду в горы. Если будет время, загляните к Сяо Яню, проверьте, как он. Считайте, что это плата за ваш присмотр, договорились?

Госпожа Ван Чжан приняла миску и заулыбалась:

— Ладно, уговорил. Завтра на рынок не иду, так что в обед принесу Сяо Шиту поесть. Ты в горах поосторожнее, не переживай за него.

— Шуюй, если будет трудно — приходи к тетушке, чем смогу — помогу. Если нужна мужская сила, зови моего Пинъаня, он парень крепкий, — добавила она с отеческой заботой. — Ты еще молодой, все трудности пройдут.

— Спасибо, тетушка, я всё понял.

Проводив гостью, Чжао Шуюй вместе с братом съел свой первый в этом мире суп с фазаном и грибами. Мясо получилось мягким и ароматным, бульон вышел наваристым даже без специй. Малыш Чжао Шуянь выпил целую большую миску.

Благодаря тому, что в прошлой жизни у Чжао Шуюя был привередливый вкус, а за годы учебы за границей он вынужденно освоил кулинарию, простой суп покорило сердце брата. Глядя, как Чжао Шуянь готов залезть в миску с головой, Чжао Шуюй почувствовал гордость: воспитание ребенка оказалось не таким уж сложным делом, всё под контролем.

— Брат, суп такой вкусный! Мы завтра еще сможем его поесть?

Когда брат допил бульон, Чжао Шуюй положил ему куриную ножку:

— Завтра я снова пойду в горы за дичью. Даже если не будет курицы, найду что-нибудь другое. Обещаю, больше ты голодать не будешь.

Чжао Шуянь, глядя на ножку в своей миске, во все глаза смотрел на брата, думая про себя, что этот брат стал таким добрым, гораздо лучше прежнего. Вдруг он вспомнил нечто важное и побежал на кухню, достав оттуда зачерстневшую лепешку.

— Брат, сегодня после обеда брат Чу Нин украдкой сунул мне эту лепешку. Я не хотел брать, но он просто оставил её и ушел.

— Где ты встретил брата Чу Нина? — удивился Чжао Шуюй. Такой парень вряд ли пришел бы к ним домой, значит, встретились на улице.

Чжао Шуянь понял, что проговорился, и робко ответил:

— Я после обеда ходил к подножию горы, дикие овощи собирал.

— Сяо Янь такой молодец, уже сам овощи собираешь! Но на будущее: если меня нет дома, не ходи никуда один. Вдруг тебя кто украдет, я же тебя потом не найду.

Услышав, что брат его не ругает, Чжао Шуянь отчаянно закивал:

— Я знаю, я с братом Сяо Ху ходил.

— Хороший мальчик. Раз брат Чу Нин дал тебе лепешку, в следующий раз мы отблагодарим его ответным подарком.

Глядя на лепешку, Чжао Шуюй подумал, что у Чу Нина и правда доброе сердце: самому есть нечего, а он делится с Сяо Янем.

<http://bllate.org/book/22441/2357838>